

Воронин Вячеслав Евгеньевич

магистрант

Научный руководитель

Макушкина Ольга Михайловна

канд. психол. наук, доцент, заведующий кафедрой

ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический

университет им. М. Акмуллы»

г. Уфа, Республика Башкортостан

ОБРАЗ РОДИТЕЛЕЙ В БЛАГОПОЛУЧИИ БРАКА ДЕТЕЙ

***Аннотация:** статья посвящена анализу механизмов влияния интернализованного образа родителей на субъективное благополучие супружеских отношений во втором поколении. Рассматривается феномен вертикальной трансляции паттернов взаимодействия в семейной системе как основы формирования матрицы ожиданий от брака. Автором обосновывается положение о том, что благополучие брака взрослых детей коррелирует не с объективными характеристиками родительской семьи, а с субъективной репрезентацией фигур матери и отца в сознании индивида. Анализируется вклад теории привязанности и концепции семейных сценариев в понимание генезиса супружеских дисфункций и ресурсов. Выделяется роль осознанной сепарации и рефлексивной переработки родительского образа как ключевого предиктора психологически зрелого и устойчивого брачного союза. Подчеркивается амбивалентность влияния как дисгармоничных, так и сверхгармоничных родительских моделей.*

***Ключевые слова:** образ родителей, брак, благополучие брака, семья, привязанность.*

В современных исследованиях психологии семьи все более отчетливо звучит тезис о том, что истоки супружеского благополучия или, напротив, хронической неудовлетворенности браком следует искать в истории прародительской семьи.

Согласно фундаментальным положениям системной семейной психотерапии, сформулированным Э.Г. Эйдемиллером и В. Юстицкисом, семья функционирует как целостный организм, где паттерны взаимодействия наследуются и воспроизводятся в следующих поколениях за счет механизмов так называемой «вертикальной» трансляции [1]. Данный процесс не ограничивается простым копированием поведенческих актов; он включает в себя формирование устойчивого когнитивно-аффективного конструкта – образа родителей, который становится для индивида внутренним эталоном, определяющим оценку собственного супружества.

При этом О.А. Карабанова, исследуя структурные компоненты этого образа, подчеркивает, что он представляет собой сплав реальных воспоминаний, социальных стереотипов и личностных смыслов, причем именно субъективная репрезентация родительских фигур, а не их объективное поведение, оказывает решающее влияние на построение отношений во взрослости [2].

Фундаментальным обоснованием силы этого влияния выступает теория привязанности Джона Боулби. В его труде показано, что характер ранней связи со значимым взрослым формирует «внутреннюю рабочую модель», которая экстраполируется на романтического партнера [3].

Таким образом, образ родителя, сопряженный с надежностью и эмоциональной доступностью, создает основу для безопасной привязанности в браке, способствуя конструктивному разрешению конфликтов и высокому уровню доверия. Напротив, интроекция образа отвергающего или тревожно-амбивалентного родителя провоцирует в собственной семье либо гиперконтроль, либо избегание близости, что закономерно снижает показатели субъективного благополучия.

В рассматриваемом контексте представляется методологически важным развести понятия «образа родителя-супруга» и «образа родительской диады».

Анализ клинической практики позволяет выдвинуть гипотезу о том, что для прогноза благополучия брака детей решающее значение имеет не столько образ отца или матери по отдельности, сколько интернализированный паттерн их

эмоциональной коммуникации – так называемый «супружеский гештальт прародителей». Если ребенок наблюдал хронический симбиоз или, наоборот, эмоциональный разрыв родителей, он, став взрослым, будет неосознанно провоцировать партнера на воспроизведение именно этой дистанции, воспринимая иные формы близости как незнакомые и потому угрожающие.

Так, М.В. Сапоровская, разрабатывая проблематику межпоколенных отношений, указывает, что супружеские сценарии часто передаются невербально, через аффективную «заряженность» семейной истории, создавая феномен прародительского программирования судьбы [4].

Однако связь между родительским образом и благополучием брака детей не является линейной и фатальной.

Например, Л.Б. Шнейдер в своем фундаментальном учебном пособии по семейной психологии отмечает, что конфликт между идеализированным образом родительской семьи и реальностью молодого супружества часто становится точкой роста, запуская механизмы дифференциации и сепарации [5]. С точки зрения автора, данный конфликт можно рассматривать как необходимый этап онтогенеза семейной системы, своеобразный «нормативный кризис второго поколения». Именно в точке рассогласования ожидаемого (родительский сценарий) и реального (поведение супруга) запускается механизм рефлексии. Если пара находит ресурс для обсуждения этого несовпадения, происходит деидеализация родительского образа и его замена на совместно выработанную супружескую идеологию. Если же ресурс отсутствует, и партнеры продолжают молчаливо оценивать друг друга через призму прародительских эталонов, наступает стагнация отношений, внешне маскирующаяся под стабильность, но внутренне переживаемая как эмоциональное выгорание.

В этой связи крайне важен ресурсный подход, описанный В. Сатир, которая видела залог здоровой семьи в способности ее членов к открытой коммуникации и осознанию собственных «корней» без увязания в них [6]. Иными словами, если образ родителей был чрезмерно идеализирован или, наоборот, травматичен, но подвергся рефлексивной переработке, он перестает быть жестким

сценарием и становится материалом для осознанного выбора собственной модели отношений.

Вышеуказанное положение подтверждается эмпирическими примерами Е.А. Петровой, которая обнаружила, что в выборке молодых семей с высоким уровнем субъективного благополучия наблюдалась не столько идеальная картина родительской семьи, сколько развитая способность супругов к анализу и эмоциональному дистанцированию от дисфункциональных паттернов прошлого [7].

Особый теоретический интерес представляет амбивалентность влияния «хорошего» родительского образа.

Так, Т.В. Андреева в исследованиях современной семьи подчеркивает парадоксальный факт: выходцы из внешне бесконфликтных, гиперопекающих семей порой демонстрируют большую неготовность к преодолению нормативных кризисов брака, нежели те, кто прошел опыт конструктивного преодоления разногласий в прародительской семье [8]. В данном случае идеализированный образ родителей создает нереалистичные ожидания от партнера и провоцирует невротическое чувство вины за собственную супружескую несостоятельность.

Наконец, обращаясь к транзактному анализу Э. Берна, можно утверждать, что супружеское благополучие напрямую зависит от способности партнеров выйти из состояния «Родитель» или «Ребенок» во взаимодействие «Взрослый – Взрослый», что требует демифологизации и пересмотра родительских предписаний, усвоенных в детстве [9].

Таким образом, образ родителей выступает важным, но не единственным предиктором благополучия брака детей. Его влияние опосредовано уровнем личностной зрелости супругов, их способностью к рефлексии и осознанной сепарации от прародительской семьи.

Авторская позиция данного парадокса лежит в плоскости дефицита опыта фрустрации и совладания.

Семья, где образ родителей ригидно зафиксирован как «идеальный», не предоставила ребенку возможности наблюдать модели восстановления отноше-

ний после ссоры. Следовательно, первое же серьезное разногласие в собственной семье переживается такими супругами как катастрофа и крах иллюзий, поскольку в их «библиотеке сценариев» отсутствует алгоритм «ссора – примирение – интеграция опыта». Им проще констатировать, что их брак «не удался», нежели предпринять усилия по его трансформации, так как сама идея трансформации вступает в конфликт с застывшим образом родительского совершенства.

Резюмируя, следует подчеркнуть, что благополучие брака во втором поколении детерминировано не элиминацией родительского образа, а его продуктивной ассимиляцией и последующей аккомодацией к уникальным условиям новой семейной системы. Психологически здоровый брак – это не копия родительского и не его антагонист, а результат диалектического синтеза, где образ родителей становится отправной точкой для построения собственного уникального семейного нарратива.

При этом психологическое консультирование и терапия, направленные на анализ генеалогического древа и интеграцию родительского образа, создают условия для формирования уникального и устойчивого супружеского сценария, свободного от деструктивных повторений прошлого.

Список литературы

1. Эйдемиллер Э.Г. Психология и психотерапия семьи / Э.Г. Эйдемиллер, В. Юстицкис. – 4-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Питер, 2015. – 668 с.
2. Карабанова О.А. Детско-родительские отношения и практика воспитания в семье: кросс-культурный аспект / О.А. Карабанова // Современная зарубежная психология. – 2017. – Т. 6. №2. – С. 15–26.
3. Боулби Дж. Привязанность / Дж. Боулби; пер. с англ. Н.Г. Григорьевой, Г.В. Бурменской. – М.: Гардарики, 2003. – 477 с.
4. Сапоровская М.В. Межпоколенный конфликт и психологическое благополучие семьи / М.В. Сапоровская // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2020. – №4. –

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhpokolennyu-konflikt-i-psiologicheskoe-blagopoluchie-semi> (дата обращения: 13.04.2026).

5. Шнейдер Л.Б. Семейная психология: учебник для вузов / Л.Б. Шнейдер. – 6-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2026. – 488 с. – URL: <https://urait.ru/bcode/586238> (дата обращения: 13.04.2026).

6. Сатир В. Вы и ваша семья. Руководство по личностному росту / В. Сатир; пер. с англ. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2009. – 288 с.

7. Петрова Е.А. Межпоколенные отношения как ресурс совладающего поведения: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Е.А. Петрова. – М., 2008. – 26 с.

8. Андреева Т.В. Психология современной семьи / Т.В. Андреева. – СПб.: Речь, 2005. – 436 с.

9. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры / Э. Берн; пер. с англ. А. Грузберга. – М.: Эксмо, 2015. – 576 с.